

Propriety of the Erich Fromm Document Center. For personal use only. Citation or publication of material prohibited without express written permission of the copyright holder.

Eigentum des Erich Fromm Dokumentationszentrums. Nutzung nur für persönliche Zwecke. Veröffentlichungen – auch von Teilen – bedürfen der schriftlichen Erlaubnis des Rechteinhabers.

*Эрих
Фромм*

5 | ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

патия к людям, видящим смысл жизни в зарабатывании денег. Его отношения с отцом не сложились. Мать, Розе Краузе, из русских эмигрантов, нежно любила сына и способствовала формированию его общительного характера, веры в свои силы и неиссякающей надежды.

Эрих получил хорошее образование, знал древние и новые языки, интересовался Ветхим Заветом, культурами Востока, дзен-буддизмом. Картина мира, владевшая воображением еврейских пророков, где «лев и овца живут рядом», рано привлекла внимание мальчика и дала толчок его раздумьям о причинах зла, агрессии и основах мирного человеческого общежития. Являясь убежденным гуманистом, Фромм болезненно реагировал на такие явления, как рост преступности, увеличение числа самоубийств, считая, что подобные факты противоречат человеческой природе. Огромный протест и искреннее непонимание вызвала у него первая мировая война, в которой участвовали самые цивилизованные европейские государства. Стремясь разрешить эти противоречия, Фромм увлекается психоанализом.

В 1918 году он поступает во Франкфуртский, а затем переходит в Гейдельбергский университет, где изучает психологию, философию, социологию. Его учителями были Макс Вебер, Карл Ясперс, Генрих Риккерт, Альфред Вебер. В 22 года Фромм — доктор философии. Он заканчивает образование в Мюнхене, в берлинском институте психоанализа получает диплом психоаналитика и в 1925 году становится врачом. Он расширяет лечебную процедуру психоанализа, превращая ее в доверительное, чуть ли не дружеское общение с пациентом. Гуманистический психоанализ должен был, согласно Фромму, стать обязательным элементом цивилизации, дополняющим образовательно-воспитательную систему. Задачу психоанализа Фромм видел не в приспособлении к обществу, а в том, чтобы помочь каждому человеку стать самим собой, правильно сделать жизненный выбор.

Наиболее значимыми мыслями и стимуляторами исследовательской мысли Фромма были З. Фрейд, К. Маркс, Я. Бахофен. Учение последнего о «материнском праве» стало для Фромма важным аргументом в его полемике с «сексуальной

§ 1. Эрих Фромм: жизнь, творчество, мировоззрение

Научно-философское направление, связанное с работами Эриха Фромма и некоторых других психоаналитиков, работавших в 30 – 70-е годы, называют «неофрейдизмом» или «культурным фрейдизмом». От психологии они двигались в сторону культурологии и этнологии. Эрих Фромм, в отличие от психоаналитиков-ревизионистов первой волны — В. Райха, К. Г. Юнга, А. Адлера — не вступал во имя ортодоксии в пререкания с Фрейдом и не имел в виду строить свою собственную версию психоанализа.

Фромм начал свою научную деятельность в тот период, когда научное сообщество опиралось — даже в социо-гуманитарных науках — на парадигмы опытного естествознания. Писать в 20 – 30-е годы о «душе человека», «искусстве любви», «бегстве от свободы» — мог только философ, не претендующий на строгую научность. В творчестве Фромма психоанализ представлен — наряду с марксизмом, экзистенциализмом, философской антропологией — как компонент общей науки о человеке, можно даже сказать, философской публицистики.

Эрих Фромм родился 23 марта 1900 года во Франкфурте в еврейской семье, где царствовал дух трудолюбия, религиозности и обрядовости. Его отец был удачливым дельцом — торговал виноградным вином. Предки по отцовской линии были раввинами. Но у Фромма с детства была анти-

теорией» Фрейда. Почти десять лет (1930 – 1939) Фромм связан с Франкфуртским институтом социальных исследований, который возглавлял Макс Хоркхаймер. Фромм руководит отделом социальной психологии и уже в 1932 году на основе эмпирических исследований делает вывод о вероятном приходе Гитлера к власти. В духе Франкфуртской школы Фромм разрабатывает «критическую социологию» вместе с Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймером, стремясь сочетать идеи молодого Маркса, его критику капитализма с экзистенциализмом, психоанализом и философской антропологией. Вслед за Паскалем, Ницше, Кассирером, Фромм анализирует в своих работах ситуацию человека в мире, подчеркивая открытость, незавершенность, свободу, эксцентрический и трагический характер человеческого бытия. Суть антропологии Фромма состоит в том, что спонтанность и разумность как бы пересиливают инстинктивно-биологические черты человека и «пересотворяют» его в качестве вида. Отталкиваясь от натурализма и позитивизма, Фромм ищет опору в этике и религии, в которых он, однако, всегда оставался антропоцентристом.

В 1933 году Фромм переезжает в Чикаго, а затем — в Нью-Йорк. В 40-е годы конфликт с Адорно и Маркузе явился причиной отхода Фромма от Франкфуртской школы, основанной к этому времени в США. В 50 – 60-е годы Фромм работает в Мексике как преподаватель, публицист и психоаналитик. Он становится членом социалистической партии США, выступает как автор ее программных документов, в частности «Социалистического Манифеста». Выступая против войны во Вьетнаме, он оказывается в оппозиции к американским властям.

Критика буржуазного истеблишмента, социалистические взгляды, экзистенциалистское мироощущение и блестящий талант лектора-публициста сделали Фромма любимцем молодежи, идеологом «новых левых» 60-х годов. В 1974 году Фромм поселяется в Швейцарии, где проводит остаток жизни. В 1980 году, за пять дней до своего 80-летия, Фромм скончался от инфаркта. В ФРГ посмертно издано десяти томное собрание его сочинений. Свой архив Фромм завещал доктору Райнеру Функу, впоследствии президенту Всемирного общества Эриха Фромма в Тюбингене. Оценивая заслуги и чер-

ты личности выдающегося мыслителя XX века, доктор Функ писал о свойственной Фромму «неразрывности мысли и жизни», «написанного и прожитого, убеждений и характера».

Публицистический пафос работ Фромма отражает мироощущение радикально-гуманистической молодежи и интеллигенции Запада 60-х годов. Он связан с критикой отчуждения — машинизации общества, потребительской и рыночной психологии. Однако в его творчестве мы находим и «вечные проблемы», идеи, относящиеся к положению человека в мире, смыслу истории, борьбе за свободу, справедливость, творческую самореализацию человека. Их психоаналитическое освещение составляет несомненную заслугу Фромма.

§ 2. Психоаналитическое просвещение

Уже само название работ: «Бегство от свободы», «Человек для себя», «Здоровое общество», «Искусство любви», «Революция надежды», «Из плена иллюзий», «Иметь или быть» говорят об этико-публицистической направленности творчества Фромма. Он не только ученый, но и просветитель XX века, один из тех, кто остро сознавал, что наше время нуждается в просвещении особого рода. Как это ни парадоксально, современный человек, несмотря на успехи науки, оказался менее просвещенным в отношении своих истинных целей, нужд и возможностей, чем человек добуржуазной, допросветительской поры.

Просвещение не следует отождествлять с какой-либо эпохой или культурой. Оно является неотъемлемым элементом исторического процесса и состоит во все более глубоком самопознании человека и человечества, выработке разумных гуманных принципов общественного мироустройства, политики и жизненной стратегии личности. В каждую эпоху просвещение приобретает новую направленность и осуществляется особенными методами. Не только наука, но религия и философия способны просвещать людей. Просвещение опирается на национальные и общечеловеческие традиции. В начале нашей эры христианство просветило души,

обогатив человека идеями бессмертия, братской любви, надежды, веры и равенства людей перед Богом. Европейские гуманисты-просветители XVIII века утверждали идеи суверенности разума, прогресса, звали к свободе, справедливости, веря в природную доброту человека, его бескорыстное стремление к истине. В XIX веке марксистское просвещение открыло людям глаза на роль эксплуатации, собственности и классовой борьбы, на предвзятость и необъективность господствующих идеологий. Сегодня просвещение должно свети воедино экономические, антропологические, идеологические и психологические идеи, чтобы заставить человека осознать горькую правду о времени и о себе. Ученые-психоаналитики, способные трезво оценить психические ресурсы личности, ответственны в XX веке за просвещение. Они призывают к самокритике, отказу от успокоительных иллюзий, трезвому и мужественному взгляду на жизнь.

Трезвого наблюдателя поражает колоссальный размах разрушительных тенденций, которые не осознаются, как таковые, а маскируются различного рода идеологиями. Многие свои книги Фромм начинает с констатации и анализа духовного кризиса цивилизации. Техника все более мощная, но лишенная духовного измерения, она движется по пути к самоуничтожению. Трусовость, эгоизм, духовная и психическая инерция мешают людям признать глубокое несоответствие между идеалами и реальной практикой. Военное противостояние, экологический кризис, вопиющее экономическое неравенство соседствуют с наивной верой в прогресс и декларациями прав человека. Между тем, человек все больше превращается в деталь социальной мега-машины, жизнь становится однообразной, лишенной смысла. Человеком тонко и умело манипулируют, не давая ему реализовать свои творческие способности. Подлинная жизнь, основанная на разуме, любви и ответственности, становится все менее возможной. Нужна новая психология, новая социальная наука, которая бы не только исследовала психическую и социальную «механику», но помогала бы строить здоровое общество и воспитывать творческую, жизнелюбивую, гуманистически ориентированную личность. Гу-

манистический психоанализ должен стать основой планирования и новой организации общества. Психоанализ учит различать исходную мысль, мотивирующее побуждение и их «рационализированную» оболочку, представленную в идеологии. Идеология служит одновременно выражением скрытых стремлений и формой их подавления. Психоаналитическое просвещение нацелено на понимание душевной реальности, лежащей за общепринятыми нормами и представлениями. Психоанализ обнаруживает, что одинаковые глубинные унастроения могут стоять за разными и даже враждебными идеологиями, а сходные идеологии могут прикрывать различные по смыслу и практическим последствиям стремления. Например, такие, казалось бы, далекие от друг друга идеологии как кальвинизм, фашизм и коммунизм вырастают, по Фромму, на сходных душевных основаниях, на типе личности, которую он называет авторитарной или «садо-мазохистической». Для этого типа характерно стремление к власти, готовность подчиниться силе, авторитету, неспособность к любви и свободному мышлению, комплексы страха и агрессивности. Авторитарный характер формируется в патриархальной семье с деспотическим воспитанием и служит опорой тоталитарного режима. Личность с таким характером враждебна демократии, требует «сильной руки», готова принять власть диктаторов.

Современное просвещение ориентировано не только психоаналитически, но и экзистенциально. Оно не имеет в виду одинаковые для всех народов образ жизни, политическую или социальную системы. Но предполагает единое общечеловеческое понимание «подлинного» и «неподлинного» бытия человека, четкое их разграничение. Это разграничение конкретизируется у Фромма целым рядом дихотомий: здорового и больного общества, любви к жизни и любви к смерти, авторитарной и гуманистической религии и этики, агрессивно-деструктивной и любовно-творческой ориентации характера. Некоторые критики упрекают Фромма в чрезмерной схематизации и рационализации экзистенциальных, смысловых проблем. Вряд ли правомерно столь широкое, распространяющееся на все сферы жизни — экономику,

политику, этику — понимание противоположных ориентаций, «быть» и «иметь», но трактовка Фроммом здорового, подлинного способа жизни вряд ли может вызвать возражения. Фромм сохраняет классические просветительские идеалы — истины, добра, красоты и верит — в возможность интерпретировать и обосновать их в духе современности, избегнув модернистского и постмодернистского релятивизма, этического и религиозного нигилизма.

Здоровый, подлинный способ жизни предполагает свободу разума, восприимчивость к чужим страданиям и радостям, любовь к другим и к самому себе. Человек должен видеть смысл жизни и свое достоинство не в том, чтобы «иметь», а в том, чтобы «быть» — быть самим собой при любых обстоятельствах и совершать свой выбор. Просвещенный человек не пытается избежать сложностей жизни и спрятаться от опасностей под сенью авторитета. Неподлинный, непросвещенный, невротический образ жизни связан с отказом от свободы, выражается в узком и ложном видении мира, нежелании отдавать себе отчет в истинных мотивах своих действий.

§ 3. Учителя человечества.

Спор с Марксом и Фрейдом

Широта и синтетичность — характерные черты мировоззрения Фромма. Он стремится найти «рациональное зерно» во всех философских и религиозных учениях прошлого, призывает к освоению этико-педагогического наследия великих учителей человечества.

Фромм полагает, что мировые религии и философские учения прошлого несут в себе приблизительно одинаковое этическое содержание. Будда, Христос, Магомет, Конфуций, Сократ, Спиноза, Маркс и Фрейд — все эти Учителя Человечества — проповедовали любовь, справедливость, честность, милосердие. Они учили строить жизнь не на страхе, лжи и насилии, а на мужестве, истине и свободе. Нетерпимость и фанатизм внутренне чужды, как истинному гуманизму, так и христианству. Христос учил любить врагов и

молиться за них. И другие мировые религии в сущности своей — гуманистичны, ориентированы на свободное раскрытие человеческих сил. Но господствующие политические и церковные группировки превращают их в авторитарные религии, основанные на страхе и ненависти к иноверцам.

Живой спор-диалог Фромм ведет с двумя мыслителями, во многом определившими дух культуры XX века и творческий путь самого Фромма — Марксом и Фрейдом. Он указывает на сходство метода и мировоззрения этих двух ученых, сходство судеб их учений.

Маркс и Фрейд были детьми века Просвещения, усвоили пафос и результаты опытного естествознания XIX века, глубоко верили в разум. Оба были преисполнены желанием использовать науку не только для понимания человека и общества, но и для формирования здоровой, самопознающей личности. И Маркс, и Фрейд, были противниками догм, иллюзий, закрывающих дорогу к истине. Они не идеализировали человека, понимая сколь упорно рассудок сопротивляется тем идеям, которые человеку «невыгодно» признавать. Оба критически относились к авторитетам и даже к «здравому смыслу», пытаясь вскрыть глубинную подоплеку ходячих мнений и обывательской морали. Для анализа и критики ложного невротического сознания Фрейд вводит идею бессознательного с его принципами репрессии и сопротивления. Маркс — понятие классовой идеологии, оправдывающей эксплуатацию и подавляющей свободу мыслящей личности. Однако ни тому, ни другому не удалось полностью преодолеть рамки классического рационализма и натуралистического понимания человека. Маркс сводил человека к его общественным функциям — ролям, Фрейд — к сексуальному инстинкту и бессознательным влечениям. Эти недостатки предопределили кризис как психоанализа, так и марксизма, их неспособность решить проблемы эпохи.

Оба мыслителя следовали древней мудрости: «Все подвергай сомнению». Они были озабочены склонностью человека к самообману, фетишизации собственных способностей. По Марксу, живая, творческая сила труда превращается в мертвую, безличную силу денег. Родовые способности

отчуждаются в религиях и идеологиях, образах богов и миров и становятся силами социального и экономического принуждения.

Фрейд рассматривал индивидуальный невроз как самоотчуждение личности, выражающееся в навязчивых действиях и состояниях. Источником отчуждения для Маркса была экономическая эксплуатация, подкрепляемая насилием. Фрейд объяснял отчуждение давлением культуры на психику, репрессией первичных влечений. И по Фрейду, и по Марксу драма человека состоит в неспособности понять истинную причину своего бедственного положения. Отсюда их общий девиз: «Познай истину и истина сделает тебя свободным». Маркс обращал этот призыв к рабочему классу, требуя от него осознать свой интерес, свою историческую миссию, а Фрейд — к больному-невротичу, заставляя его вспомнить забытый источник невроза, воссоздать логику своих поступков и мыслей.

Культура для Маркса и Фрейда — не только система ценностей, но и система иллюзий и потому подлежит критике с позиций науки. И Фрейд, и Маркс могли бы подписаться под девизом: «Ничто человеческое мне не чуждо». Маркс указывал на значимость удовлетворения физических потребностей человека как условие всякой духовной деятельности, на социальный интерес как стимулятор мысли и одновременно силу, искажающую истинное видение мира. Фрейд, как отмечалось, строил свою теорию на родовом инстинкте сексуальности.

Критика культуры Марксом была более радикальной, чем критика Фрейда. Маркс хотел уничтожить все формы отчуждения, главными из которых он считал семью, собственность, религию и государство. Фрейд не заходил столь далеко. По своим политическим взглядам он был «либеральным консерватором», человеком «викторианской эпохи». Он не выступал как ниспровергатель культуры. Признавая ее недостатки, он отдавал себе отчет в том, что без культуры и без принуждения к труду, поддерживаемого силой права, без «утешительного» искусства человек просто погибнет.

Маркс рассматривал отделение умственного труда от физического как причину разделения общества на классы.

Фрейд видел в расщеплении психики на сознание и бессознательное причину внутренних конфликтов, неврозов. Отношение базиса к надстройке в социологической теории Маркса аналогично отношению «оно» к «я» в теории Фрейда.

Социальная революция — восстание «низов» против «верхов» — сходна с истерическим неврозом, при котором бессознательное прорывается в сознание, минуя цензуру. Разница в том, что революция в теории Маркса, ниспровергающая надстройку, ведет к оздоровлению общества, а прорыв бессознательных сил в сознание в теории Фрейда — явный признак болезни и разрушения личности.

И Маркс, и Фрейд указывают на феномен «цензуры», отмечая его охранительные и репрессивные функции. В обществе цензура поддерживает сохранность господствующей идеологии. В психике человека предсознание охраняет интеллектуальные и моральные принципы, подавляя бунт бессознательных влечений.

И Маркс, и Фрейд не избежали натяжек и противоречий. Фрейд, веря в силу и суверенность разума, приходит все же к тому, что разум оказывается «слугой страстей», подчиняется бессознательному и не способен познать собственных оснований. Маркс, веря в будущее царство разума, отводит полуграмотному пролетариату роль «освободителя человечества». Он воспекает кровавое революционное насилие, осуждая более мягкую экономическую эксплуатацию и отказываясь признать необходимость классового сотрудничества и компромисса.

Маркс — политический радикал. Фрейд — либеральный мыслитель. Однако экономические открытия Маркса и психологические открытия Фрейда обладают научной значимостью. Идеи Маркса о прибавочной стоимости и кругообороте капитала помогли разработать антикризисную экономическую программу в США. Открытые Фрейдом механизмы защиты послужили хорошей службой «имиджмейкерам», теоретикам рекламы и пропагандистам буржуазного потребительского общества. Идеи Маркса и Фрейда могут быть использованы для обоснования программ гуманистического социализма, идеологом которого считал себя Фромм. Задача,

по Фромму, состоит в том, чтобы использовать знание о человеке для укрепления веры в гуманистические ценности.

Фрейд показал, что в основании рациональных утверждений могут лежать бессознательные, иррациональные мотивы. Согласно Марксу, цели государства, права и других социальных установлений состоят не столько в поддержании порядка, сколько в обеспечении господства и защите интересов привилегированного класса.

Фромм идет в своем политическом мышлении гораздо дальше Фрейда. Он указывает на необходимость для общества гуманистической религии, на политическую сторону задач воспитания, образования, предлагает смелые проекты социальных институтов и групп общения, в которых бы свободно удовлетворялись интеллектуальные, творческие, дружеские потребности.

Культура, по Фромму, может отказаться от нормирования, регламентации. Нормы культуры не должны быть авторитарными и должны давать максимальный простор личности.

Бессознательные репрессивные механизмы широко распространены и нередко «институционализированы». Этот факт Фромм не уставал подчеркивать. Считается, что родители и учителя наказывают детей в целях воспитания, желая им добра. Фромм усматривает в узаконенных наказаниях удовлетворение садистских инстинктов воспитателей. Казнь преступников, как институт, будучи негуманной и практически неэффективной, поддерживается, тем не менее, массой людей, потому что удовлетворяет их садистские наклонности. Фромм был солидарен с Фрейдом в том, что моральный запрет на сексуальность является пережитком иудейской морали. Он приводит к бессмысленной невротизации массы людей, не способных удовлетворить свою потребность в любви, которая нуждается в поддержке и культивации, а не в запрете. Репрессированный человек склонен репрессировать других людей.

Фромм — не сторонник анархичного секса, который был политическим лозунгом французских студентов во время знаменитой «майской революции» 1968 года. Он говорит об индивидуации любовного чувства, о необходимости разграничения разных видов любви — супружеской, материнской, отцов-

ской, об «искусстве любви» — способности к глубокому душевному контакту, заинтересованной заботе о любимом человеке.

Маркс и Фрейд понимали, что бросают вызов общественному мнению. Им не казалось странным, что общественность отрицательно относится к их теориям, изгоняет их из академической среды. Для Фрейда это было «сопротивлением общества», боящегося правды о себе также, как невротик боится осознания причин своего невроза. И для Маркса было ясно, что идеологи буржуазии будут ниспровергать его теорию, поскольку она противоречит интересам этого класса.

Всегда находится много любителей приспособить революционные мысли ко вкусам обывателя. Поэтому Маркс и Фрейд не были удивлены попыткам исказить и легализовать их взгляды. Они боролись за чистоту своей теории и часто в пылу спора не желали выслушивать даже обоснованную критику в свой адрес. От авторитаризма этих мыслителей идет догматизация марксизма и психоанализа, проявление многочисленных «ересей» внутри этих течений, ожесточенная борьба между вчерашними друзьями и научными коллегами. Эти тенденции дали Марксу повод сказать, имея в виду своих последователей, что он — не марксист. Также и Фрейд не раз говорил, что он — не фрейдист.

Сходство и трагизм судеб двух мыслителей состоит в том, что их учения были включены в официальную идеологию — одно в СССР, другое — в США и способствовали не только освобождению, но и порабощению человека. Психоаналитики стали «священниками» индустриального общества, а марксизм — сделался официальной «псевдорелигией» русского большевизма. Оба учения были приспособлены к интересам власть имущих.

Фрейд и Маркс — ученые-революционеры, просветители и романтики одновременно. Разум, по их мнению, в конце концов, должен овладеть стихийными силами души, природы и общества.

Маркс, по мнению Фромма, был мыслителем более высокого ранга, чем Фрейд. Он сумел связать духовное наследие германского философского идеализма с экономической теорией, придал древней утопической идее коммунизма

реалистические черты, соединил в своей теории элементы философии, политэкономии, антропологии и этики. Фромм не соглашался с теми критиками Маркса, которые приписывали ему узкосоциологическое видение человека. Верно, что Маркс специально не разрабатывал вопросов этики. Но нельзя не видеть, что он был защитником свободы, равноправия, социальной справедливости, всестороннего развития личности. Маркс выступал против эксплуатации потому, что она несправедлива и парализует развитие человека. Он защищал интересы труда против интересов капитала. Труд, по Марксу, это жизнь, а капитал — омертвленная форма труда. Капитализм — господство вещи, социальной функции над человеком. Коммунизм — олицетворение свободы личности. Все эти тезисы Маркса — этические в своей основе.

Теория Маркса не безупречна. Маркс недооценил позитивной роли «отчужденных форм» — политики, права, религии. Его представление о коммунизме, как большой семье или родовом братстве, технически неосуществимо, утопично по своим духовным истокам. Слабость Маркса в абсолютизации экономики, в недооценке духовного, личного фактора, роли идей в истории. Маркс бесосновательно отбрасывал религию, не видя ее глубокой укорененности в человеке и обществе. Он осознавал драматизм человеческого бытия, но не заметил угрозы движения вспять — от свободы к рабству под знаменем социализма и рационализма.

Фромм во многом был не согласен с Фрейдом и Марксом, но с огромным уважением относился к их творчеству, считал их гениальными людьми.

Фромм критиковал психический детерминизм Фрейда. Психика, по Фрейду, работает как термодинамическая система, основным законом которой является стремление к равновесию. В такой системе нет места свободе, а значит, и ответственности. Фромм, вопреки Фрейду, считает, что природа человека не биологична, а социальна и духовна. С общеисторической и философской точки зрения самодетерминация человека разумом важнее, чем его зависимость от инстинктов. Человек уже вышел из животного состояния. И даже в тех случаях, когда архайческие силы берут верх

над общечеловеческим разумом, это чаще всего происходит при помощи того же «классового разума», использующего политические мифы и идеологии.

Фрейд был скептиком и не имел ответа на вопросы: куда идет человечество и куда оно должно идти. Фромм пытался дать на них ответы. Человечество, по его мнению, идет к социализму, к мировому единству, к утверждению прав личности как основы морали. Политические и гражданские учреждения должны ориентироваться на интересы личности. Свободное бытие человека — культурное, духовное, сознательное бытие. Культура — не только инструмент выживания, но и стихия жизни.

Учение Фрейда о бессознательном — богато и плодотворно. Но его представление о сознании скудно. Согласно Фромму, не «принцип удовольствия» лежит в основе здоровой психики, а принципы разума, любви и ответственности. Фрейд понимал спонтанную, самопроизвольную деятельность психики, как «регрессивную», ориентированную в прошлое. Такая тенденция, согласно Фромму, действительно имеет место и в истории человечества и в индивидуальном развитии. Она проявляется особенно сильно в моменты крутых перемен, стремительного расширения пространства свободы, которую человек не в состоянии принять. Регрессия выглядит тогда как бегство от свободы, как добровольный отказ людей от права и обязанности самим решать, самим строить жизнь. «Бегущие от свободы» желают спрятаться от неопределенной и травмирующей действительности за авторитарными символами: «вождя», «нации», «чистоты крови», «классового интереса», «воли фюрера», «светлого будущего». Желая вернуться в состояние инфантильной веры во всемогущество отца, отказаться от своей личности, человек готовит себе гибель. Здоровая и нормальная психика, по Фромму, ориентирована в будущее, а не в прошлое, на творчество, а не на традицию.

Самые «великие» идеи Фрейда — эдипов комплекс, нарциссизм, «инстинкт смерти» — во многом спорны. Это, как выражается Фромм, «хромоногие», «уродливые детища» его гения и, лишь будучи освобождены от своей грубокустарной формы, они могут стать продуктивными и научно значимыми.

§ 4. Природа человека и экзистенциальный опыт

Учение Фромма о «природе человека» опирается на богатую философскую традицию. Среди философов, видевших в человеческой природе «ключ» к проблемам культуры Фромм называет Аристотеля, Спинозу, Фейербаха. Спиноза был первым среди философов Нового времени, который выводил нравственные нормы из природы человека. Здоровье состоит, согласно Спинозе, в свободной активности разума, радостном мироощущении, стремлении к самосовершенствованию. Болезнь выражается в пассивности, зависимости от страстей, печали, бессилии. Гармония души и тела, разума и воли, господство над страстями будучи принципами антропологии, являются, по Спинозе, также и принципами этики.

Традиционная гуманистическая этика ставила во главу угла развертывание творческих сил и добродетелей человека. Современная психология, а за ней и этика, усматривают норму здоровья в приспособленности человека к социальной среде, обществу, которые во многих отношениях ущербны и несовершенны. Ведь общественные формы и отношения меняются в зависимости от экономических условий, типа поселения, интенсивности общения, а человеческая природа в основе своей остается той же, какой она была сотни тысяч лет назад. Поэтому необходимо сосредоточить внимание на ее основном «ядре», рассмотреть внимательно ее сильные и слабые стороны. Лишь исходя из такого анализа мы сможем правильно понять человеческую ситуацию, взаимоотношения природы и культуры, сформулировать принципы современной гуманистической этики.

В XX веке общественные науки отходят от принципов «социологизма» и «экономизма», которые доминировали столетие тому назад. Не в общественной системе, не в экономике, а в самом человеке, в особенностях его жизненной ситуации следует искать ключ к пониманию истории, современно-го кризиса культуры и определению путей выхода из него. В XIX веке ученые стремились исключить субъективизм из

социальных наук, свести к минимуму роль «человеческого фактора» в науке. Но XX век вновь сделал выбор в пользу антропологии как основы истории и обществознания.

Особенность современной антропологии, по Фромму, в ориентации на духовно-этические, культурные, а не био-социальные компоненты человеческой природы. Последние составляют лишь периферию личности. Центром ее являются экзистенциальные ценности: свобода, разум, ответственность, любовь, забота, надежда и вера.

Можно, как отмечает П. С. Гуревич, указать на три важнейших идеи, составляющие своеобразие «антропологической парадигмы XX века», органически воспринятые Фроммом. Первая — открытие Э. Кассирера, который назвал человека «символическим животным». Ни одно существо на Земле не выстраивает между собой и миром символическую среду. Ни одно существо не способно переместить центр своего бытия в символическую сферу. Вторая идея связана с именем Макса Шелера, который представил человека как «незавершенное, открытое», эксцентрическое существо. Человек слабо укоренен в природе, не имеет строго ограниченной экологической ниши. Он недостаточно хорошо «экипирован» биологически: его органы уязвимы, здоровье — хрупко, зрительные, обонятельные, слуховые рецепторы малочувствительны. Незавершенность организма человека, тот факт, что деятельность психики часто оказывается у человека биологически дисфункциональной, как бы обрекает человека на то, чтобы постоянно восполнять свою ущербность с помощью культуры, постоянно творить, расширять свои мыслительные возможности. И третья идея принадлежит самому Фромму. Он показал, что спонтанность (стихийность, естественность, непредсказуемость) поведения человека не является второстепенной его чертой. Как раз заданность, инстинктивность, социальная детерминированность оказывается архаикой и пережитками для человека. Фокус его бытия связан со свободой и спонтанностью. В человеке скрыты истоки созидательных и разрушительных стремлений. На всех этапах истории человек, действуя спонтанно, иногда эффективно, а иногда — неудачно, расширял свои

возможности и способности — телесные, психические, социальные. Человек обречен на постоянное изменение. Человеческое бытие принципиально свободно. Человек — не то, что он есть, а то, чем он может стать. Перечисление биологических и социальных признаков человека не проясняет его природы. Человека можно понять только через способ его существования, то есть экзистенциально. Натуралистическое понимание человека, к которому стремился Фрейд, и социологическое, которое хотел обосновать Маркс, неправомерны. «Редукция» истории и выдающихся феноменов культуры к экономике, биологическим потребностям, классовым интересам всегда содержит в себе какой-то шарж, насмешку над человеческой духовностью, а если она проводится последовательно и серьезно, то оказывается чем-то скучным, банальным и просто лживым. Удивительная интенсивность, разнообразие страстей и стремлений — вот что поражает в человеке. Итоги «игры» этих страстей усложняются многократно, поскольку «вес» каждой страсти должен быть умножен еще на «социальный вес» личности и силу массовых процессов. Тайна истории и тайна человека — в его тончайших душевных переживаниях, необычное соединение которых может сделать человека святым, гением или карманным воришкой.

Знания, разум, как таковые, не составляют действующей основы личности. Они пусты и бессильны без экзистенциального, проще сказать, чувственного наполнения. Разум сам есть экзистенциальное качество, поэтому и в истории, и в индивидуальной жизни, он проявляет себя в разных формах и дает разные результаты. С помощью только рациональных норм и инструкций нельзя управлять человеком. Поэтому так хрупки, ненадежны многие механизмы цивилизации, выражающие лишь техническую рациональность и лишённые мотивационной основы. В любой чрезвычайной ситуации техническая рациональность может сломаться, если изменятся мотивы, то есть страхи, заботы, надежды человека.

Свобода и счастье не даются в готовом виде и не гарантированы никакими прошлыми достижениями. В каждой новой ситуации человек должен совершать выбор таким обра-

зом, чтобы сохранить подлинность своего бытия. Нет готовых рецептов принятия решений. Каждый сам должен решить, как использовать свою свободу, как реализовать свои способности. Нужно «прислушиваться» к «голосу» бытия и собственной совести. Человек не есть «законченное», «ставшее» бытие, сумма каких-то качеств. Его природа открыта, динамична и драматична. Бытие человека — самый богатый и сложный вид бытия. «Не наука, не батальоны ученых идут в авангарде прогресса, а проснувшиеся, желающие бодрствовать люди, которые воодушевлены любовью и понимают, что без усилий души никакое продвижение вперед невозможно».

§ 5. Экзистенциальная антропология

Вопрос о потребностях человека — важнейший для антропологии. Ведь потребность определяет характер вида, его биологическую нишу и образ жизни. Удовлетворение потребности есть условие выживания и поддержания нормы, здоровья. Но если у животных потребности обусловлены биологически, то у человека биология определяет лишь один из аспектов поведения, причем, не главный. Человеческие инстинкты, как принято говорить, «распатынны» в ходе эволюции вида и под влиянием общества. У человека имеются родовые потребности, но в чем именно они проявляются, какова их иерархия, взаимозависимость, степень влияния на образ жизни — по всем этим вопросам в социогуманитарных науках ведутся нескончаемые споры. Попытки сведения всего ансамбля потребностей к какому-то одному их виду — экономическому (Маркс), сексуальному (Фрейд) — не выдерживают критики. Сегодня преобладает точка зрения, что потребностей у человека много, что каждая из них самостоятельна и не выводима из других. Человеческие потребности принято называть экзистенциальными, поскольку каждая из них связана с особенностями существования человека, с «человеческой ситуацией». Экзистенцией (лат. «существование») называют непосредственное переживание человеком своего присутствия в мире, которое складывается

из многих компонентов: сознания, чувства свободы, ответственности, заботы, страха, любви, веры, надежды и т. д. Каждый философ-антрополог акцентирует особенно значимые для него чувства и состояния. Киркегор писал о страхе. Маркс говорил о борьбе. Фейербах — о любви. Н. А. Бердяев говорит об одиночестве, тоске, свободе, бунтарстве, жалости, сомнениях. Конечно, степень выраженности каждой экзистенциальной потребности, также, как и содержание, наполненность их — у всех людей разные.

Каждый человек что-то создает, о чем-нибудь мыслит, на что-то надеется, что-то любит. Можно верить в Бога или в то, что Его не существует, но нельзя ни во что не верить. Объекты веры, заботы, любви — меняются, но сами потребности верить, заботиться, любить — остаются.

Экзистенциальные потребности по ряду признаков отличаются от любых других. Во-первых, своей непреходящестью, неудовлетворимостью. Голод, сексуальная потребность могут быть удовлетворены. Социальные проблемы, связанные с бедностью, общественным порядком, всеобщей грамотностью, равенством прав, гражданским согласием, хотя и сложны, но разрешимы. Глупо и недостойно человека всегда желать досыта поесть и никогда не иметь такой возможности, всегда мечтать о богатстве и оставаться бедным, всегда надеяться на мир, но все время воевать. Но потребность любить, надеяться, верить по самой своей природе неразрешима никаким «конечным действием», конкретным поступком. Во-вторых, экзистенциальные потребности разрешаются под знаком разума и свободы. Они так или иначе осознаются и для их удовлетворения человек должен совершить какой-то выбор. В-третьих, экзистенциальные потребности непосредственно включены в «человеческую ситуацию». Они являются вечными, характеризуют всего человека. Они свидетельствуют о здоровье, нормальном состоянии, а их отсутствие — о патологии. Того, кто никого и ничего не любит и ни на что не надеется — нельзя считать человеком.

Экзистенциальные потребности ниоткуда не выводятся. Они даны вместе с жизнью, в то время как специфические потребности организма и духовно-культурной жизни

обусловлены полом, возрастом, гражданским состоянием и другими конкретными обстоятельствами.

«Человеческая ситуация» в основе своей — противоречива, драматична. Разум — гордость и достоинство человека — есть также и его проклятие. Всякое затруднение человек преодолевает с помощью мысли. Но чем шире и яснее он мыслит, тем острее и мучительней осознает свое одиночество, свою конечность, смертность и ограниченность. Итог мудрости, к которой приходит человек к концу жизни — это сократовское: «Я знаю лишь то, что ничего не знаю». Это не остроумие, а адекватное выражение «человеческой ситуации». Человек не может удовлетвориться ограниченной суммой знаний, монотонно-инстинктивным существованием или добросовестным выполнением социальной роли. Он всегда преодолевает самого себя, нарушает какие-то границы.

Социальная жизнь и динамика истории — с ее скачками «вперед» и откатами «назад» — связаны, по Фромму, не столько с социальными и классовыми противоречиями, сколько с экзистенциальными дихотомиями, укорененными в человеческой природе. Эти дихотомии принципиально неразрешимы — ни практически, ни интеллектуально. Например, сколько бы человек ни думал о естественности смерти для каждого живого существа, он никогда не сможет приучить себя к мысли, что его когда-нибудь не будет на свете. Как неразрешима дихотомия между «бытием к смерти» и верой в бессмертие, так неразрешимо и противоречие между богатством родовых возможностей и ограниченностью их реализации отдельным человеком. Полная самореализация личности должна была бы означать возможность для человека испытать все, что, в принципе, может испытать человек. Но мы знаем, что всякий успех, всякое достижение покупаются ценой какого-то ограничения. Любовь, наука, искусство требуют огромной самоотдачи, а значит — отказа от многого. Отсюда — вечная неудовлетворенность человека настоящим. Кто может сказать: «Остановись, мгновенье, ты — прекрасно?» Неудовлетворенность, извечное ощущение противоречивости бытия заставляют человека творить, искать, познавать.

Еще одна дихотомия экзистенциального типа просматривается в общении. Человек страстно стремится к душевному контакту с другим человеком, к неограниченному взаимопониманию и доверию. Однако он ощущает невозможность проникнуть до конца в мир другого человека. Если есть в мире что-то недоступное, невыявляемое, таинственное — это душа Другого.

Эти и другие экзистенциальные дихотомии определяют структуру человеческого сознания. Испытывая тревогу и озабоченность, человек напрягает силы, разум, предпринимает колоссальные усилия, благодаря которым непрерывно меняются и перестраиваются формы его бытия, творится мир культуры. Надежды на окончательное разрешение человеческих проблем в некоем идеальном обществе, «земном Раю», иллюзорны. Человек обречен, подобно Сизифу, вкатывать каждый день камень на вершину горы, чтобы затем наблюдать, как он срывается вниз. Если «сизифов труд» имеет смысл, то не в конечном результате, а в самом духовном становлении. Человек учится мужественно нести бремя свободы, не надеясь на помощь свыше, без веры в рай на земле и блаженство в загробном мире.

Фромм считает важным четко отграничить экзистенциальные проблемы от социальных и психологических. Человек никогда не перестанет мечтать о бессмертии и стремиться к нему. Но есть мечты и мечтательность. Мечты, фантазии, могут быть проектами будущих поступков и культурных деяний. Мечты о бессмертии не бессмысленны. Из стремления к бессмертию вырастает, в конечном итоге, вся духовная культура.

Устав от борьбы и волнений, человек переносит осуществление своих надежд в потусторонний мир и тогда теряет творческую активность, как бы умирает для земной жизни. Если же он сосредотачивает свои помыслы только на предметах земного мира, то становится частью природы, вещью среди вещей, подверженной тленю и гибели. Таким образом, и отказ от мира, и отказ от веры в бессмертие, влекут за собой утрату смысла жизни.

Поэты и философы давно заметили, что ощущение наибольшей полноты, осмысленности жизни возникает в ситуа-

циях борьбы и риска, когда жизнь ставится на карту. «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой» (Гете). Этим, во многом, объясняется и странное пристрастие человека к войне, к драке, азартным и политическим играм. Тот ничего не поймет в истории и политике, кто попытается объяснять мир, войну, революцию, преступление и добродетель только утилитарными, рациональными мотивами. Ощущение риска и непрочности бытия служит устойчивым фоном принятия решения. Но полное погружение в земную игру случайностей — обесмысливает жизнь.

Противоречие между конечностью земного и бесконечностью духовного бытия придает человеческой жизни непреходящий драматизм. Если бы людьми двигали силы, обусловленные только конкретными потребностями, такими, как голод, половая потребность, желание физических удовольствий, они давно бы пришли к какому-нибудь компромиссу и история прекратилась. Все попытки реализовать идеальный, устойчивый порядок терпели неудачу. И даже в сегодняшнем стремлении утвердить на Земле идеал западной цивилизации с ее ценностями правопорядка, стабильности, потребления Фромм видит утопию: ему представляется, что европейская цивилизация — это «мегамашина», которая превращает человека в «винтик».

Человеческая ситуация была и остается открытой, проблематичной. Человек обречен на вечные поиски. Он всегда будет мечтать и действовать, побеждать и терпеть поражения.

§ 6. Историческая индивидуация и «бегство от свободы»

«Бегство от свободы» — одна из самых удачных и емких философских метафор Фромма. Она относится к феномену ухода человека от ответственности, боязни трезво и мужественно осознать свои проблемы. Бегство от свободы — это бегство от разума, попытка укрыться под сенью мифов и идеологий.

Смысл исторического процесса Фромм видит в прогрессирующей индивидуации, т. е. освобождении личности от власти стада, традиции, авторитета, укреплении независимости и права самостоятельно принимать решения. История — не плавно-восходящий, а, скорее, возвратно-поступательный процесс, в котором периоды освобождения и просветления чередуются с периодами «бегства», возврата к рабству и помрачению ума. Процесс истории Фромм предлагает рассматривать в свете «человеческой ситуации», суть которой сводится к следующему.

Предок человека, несмотря на свою физическую уязвимость и подверженность многим опасностям, не знает страха смерти. Подобно животному он слит с природой. Сознание еще не отделилось от бессознательного. Человек живет в мире мифов, среди могущественных существ, которые ему покровительствуют. На какой-то ступени естественной эволюции происходит разрыв привычных нитей, связывающих человека с природой, родом. Миф разрушается. Сознание отделяется от бессознательного. Человек больше не чувствует себя защищенным. Он начинает ощущать страх смерти, свою уязвимость и ограниченность. При этом каждый шаг вперед по пути культуры и свободы не только увеличивает его творческую мощь, но и рождает чувства страха, покинутости, бессилия. Если для Маркса отчуждение есть факт «предыстории», результат эксплуатации, то для Фромма это антропологическая и общесторическая категория. Отчуждение постоянно возникает и постоянно преодолевается.

Возрастание свободы рождает тоску по утерянной связи с природой, желание «вернуться назад», к племенному, коммунальному бытию. Это желание, обнаруживаемое в символах «Матери-Родины», «Матери-Земли», Фромм называет «кровосмесительным». Прорыв инцестуозных влечений из коллективного бессознательного в массовое сознание сопровождается оживлением мифов, иррациональных идеологий.

Успехи просвещения не только освобождают, но и дают импульс реакционным силам. Человек стремится к свободе, мечтает о ней, но ощущает ее, как бремя, ибо свобода нала-

гает ответственность, требует самостоятельного выбора. Экзистенциальные противоречия конституируют сознание, являясь в то же время источниками тревоги.

Будучи идеологом социализма, Фромм утверждает, что общество на основе возросшего экономического богатства, укрепившегося правосознания, развитой нравственности и гуманистической религии, способно разумно регулировать потребности своих членов, производство и распределение, не допуская резкого классового размежевания. Здоровое общество обеспечивает достойное существование всем, кто не может сам себя прокормить. Социализм держится не на экономике, а на гуманистической этике и душевном здоровье. Адекватный же способ разрешения экзистенциальных дихотомий — бескорыстное совершение добрых поступков — милосердие, любовь, духовное творчество.

В книге «Бегство от свободы» Фромм осуждает пафос «исторической необходимости» как ложный и аморальный и утверждает пафос свободы и ответственности.

Корни германского национал-социализма — этого новейшего бегства от свободы — Фромм усматривает во временах Реформации. Последняя, по мнению Фромма, была неудачной попыткой самоутверждения человека в условиях расширившейся свободы. Реформации, как и национал-социализму, предшествовал период относительно спокойного развития. В Средние века массы страдали от войн, эпидемий, феодального гнета, но человека все же чувствовал себя защищенным. Каждый занимал свое место в социальной иерархии. Отношения между людьми одного сословия носили, в основном, личный, неофициальный характер. Цех, гильдия, община, церковь защищали отдельную личность. Религия создавала четкую систему ориентаций. Философская антропология церкви была гуманной и оптимистической. Учителя церкви подчеркивали, что человек создан по образу и подобию Божию, может выбрать путь добродетели и спасти душу. Свобода, бессмертие, достоинство человека представлялись гарантированными подвигом Христа. Грань между земной и небесной, временной и вечной жизнью не казалась столь уж резкой.

В XV – XVI веках феодальная система была потрясена ростом городов и развитием капитализма. Человек почувствовал себя оторванным от земли, общины, церковного прихода. Распространение философского рационализма, гуманистической идеологии способствовало осознанию индивидуальной свободы и возникновению чувства одиночества, непрочности бытия. Вера в бессмертие ослабла и человек остро ощутил необходимость самореализации в течение ограниченного срока земной жизни.

Сдвигами в образе жизни и мироощущении масс Фромм объясняет победу учений Люттера и Кальвина. Идеология реформации отличалась безрадостным тоном. Люттер провозгласил свободу, но эта свобода была осмысленна, скорее, как бремя, нежели как простор для творчества. Человек был признан греховным от рождения и имеющим врожденную склонность ко злу. Он ощущал себя ничтожным и бессильным перед Богом. Возможность спасения состояла лишь в том, чтобы, признав свое бессилие, сделаться послушным орудием в руках Бога.

Особенно мрачной и жестокой была кальвиновская теория предопределения. Кальвин учил, что только Бог решает, кому спастись, а кому погибнуть. Действия человека не имеют для спасения души решающего значения. Человек не принадлежит себе. И все же кальвинисты считали, что именно они, люди, осознающие собственную греховность и ничтожность, являются избранными, имеют больше шансов спастись, чем представители других конфессий. Поставив своих адептов в привилегированное положение, протестантизм подорвал идею равенства людей перед Богом, завещанную ранним христианством. Отсюда, как полагает Фромм, вырастает учение об избранной арийской расе.

Проводя параллель между Реформацией и нацизмом, Фромм описывает «смутное время», которое предшествовало приходу Гитлера к власти. Падение монархии в Германии, рост инфляции, безработицы, крах многих предпринимателей. Стиснутый между монополиями и рабочим движением средний класс чувствовал себя психологически и социально не защищенным. Традиции и опыт старшего поколения были поставлены под вопрос. Прервалась связь по-

колений. Версальский договор стал символом национального унижения Германии. Либерально-демократическая идеология, парламентские формы утратили авторитет как у «верхов», так и у «низов». Массы испытывали духовный кризис, связанный с крушением старых ценностей. Отсутствовало сколько-нибудь ясное представление о путях развития страны. Распространялись страх, неуверенность, начался судорожный поиск мифов и идеологий, которые смогли бы стать основой социальной сплоченности и веры в будущее.

Когда получают простор иррациональные силы, открывается широкая арена для деятельности «харизматических личностей», популистских лидеров, вождей, обуреваемых жаждой власти и уверовавших в свою миссию спасения народа. В обстановке интеллектуального и нравственного упадка формируется новая авторитарная идеология. Фашизм с его мифами об исторической миссии германского народа, будущем тысячелетнем рейхе, культом партии и фюрера, воплощающего в своей персоне волю и ум народа, соответствовал настроениям масс. Фашистские идеологи обещали народу мудрую отеческую опеку, изобилие благ и торжество свободы. Многие колеблющиеся интеллигенты и растерянные юноши, мечтавшие о всеобщем счастье, поддались этой пропаганде и встали в ряды штурмовых батальонов.

Маркс говорил о теории, которая, овладевая сознанием масс, становится материальной силой. Фромм замечает, что теория, как таковая, не может завладеть сознанием, ибо она сложна, отвлеченна, лишена образно-эмоциональной привлекательности. Но теория может дать толчок идеологическому мифотворчеству политиков. Завладеть массами может лишь идеология, т. е. авторитарная псевдорелигия, которая формируется во взаимодействии масс и политиков-демагогов, апеллирующих к коллективному бессознательному. Идеология, возникнув, начинает жить и развиваться по законам мифа. Теория в ней изменяется до неузнаваемости, становясь служанкой массовых инстинктов. До знакомства с идеологией массы принимали жизнь со всеми ее сложностями и противоречиями. Вобрав в себя идеологию, массовое сознание порождает чудовищные гибриды — национал-социализма или большевизма, затмевающие

разум и совесть. Фромм, подобно Фрейдю, отмечает возрастающий конфликт между культурой и природой человека. Но он настойчиво утверждает мысль о культуре, истинной стихии жизни человека и как основании свободы. «Возврат к природе» — есть бегство. Он возможен в форме коллективного невроза. Только усилия разума могут спасти человечество.

§ 7. Человеческие потребности и «подлинный» способ жизни

Фokus психолого-антропологической и этической концепции Фромма — учение об экзистенциальных потребностях. Это потребности в общении, трансценденции, укорененности, самоидентичности и системе ориентаций.

Потребности могут удовлетворяться здоровым и невротическим, неподлинным способом. Принятому в экзистенциалистской психологии разграничению «подлинного» и «неподлинного» у Фромма соответствует разграничение здорового и невротического, а также модусов «бытия» и «обладания». Здоровый способ жизни предполагает свободу разума, открытость миру, восприимчивость к чужим радостям и страданиям, любовь к другим и к самому себе. Душевно здоровый человек обладает мужеством быть собой и совершать выбор. Он не пытается избежать сложностей жизни и спрятаться от ответственности под сенью авторитета. Неподлинный, невротический способ жизни связан с отказом от свободы и ответственности. «Бегство от свободы» выражается в ложном и узком видении мира, в слепоте в отношении собственных побуждений, уступке страстям и инстинктам.

Потребность в общении обусловлена тем, что человек не самодостаточен. Биологически, социально он нуждается в других людях. Еще более глубока духовная взаимозависимость людей. Общение — исходная и непреходящая реальность, источник наслаждений и мучений. Лишь с помощью других людей можно ощутить всю полноту бытия,

развить разум, способность к любви и творчеству. Но другие люди выполняют в нашей жизни также роль палачей и мучителей. Самые большие несчастья человек терпит не от природных стихий, а от другого человека. Зло, однако, не укоренено в человеческой природе, а является следствием ее неправильного развития, «неподлинного» образа жизни. Зло и агрессивность — реакции на невозможность быть свободным и реализовать себя. Человек ищет основанного на любви и разуме свободного общения, но далеко не всегда способен преодолеть стоящие на пути к нему преграды. Люди заменяют истинное общение искусственным, пытаются удовлетворить потребность в общении безопасным путем, окружая себя любимыми вещами, уходя от жизни в мелкие увлечения и религию. Суррогатом общения служат секс и наркотики.

Наиболее грубый, патологический способ «неподлинного» любовного общения — «садомазохизм», т. е. достижение контакта с другими через господство или подчинение. Учитель, глава секты или политический вождь используют свое положение для того, чтобы, наслаждаясь властью, повелевать, мучить своих учеников и подчиненных.

Подмена любви властвованием, обладанием происходит и в личных отношениях. Одни ищут счастья и удовлетворенности в господстве, а другие хотят найти себе господина, желают отдаться чужой воле и избежать ответственности. Оба пути ложны, заводят в тупик.

Любовь — главный способ «подлинного» общения. Но и в подлинной любви человек ищет себя, осмысленно преодолевает трудности и рискует себя потерять.

Способность к любви формируется с детских лет в эмоциональном контакте с любящими людьми. Но она не возникает автоматически на почве детских привязанностей и полового инстинкта, а требует внутренних усилий. Любовь есть бытие и творчество, а не обладание. Человек, развиваясь, должен активно «упражнять» способность к любви, заботясь о младших и товарищах, растениях и животных. Способность к любви отличает зрелого человека и предполагает развитый интерес к личности другого.

Многие имеют превратное представление о любви. Любовь не сваливается на нас неизвестно откуда в один прекрасный день. В действительности любовь это развитая способность общения и своего рода искусство. Истинная любовь не тождественна сексуальной близости, слепому обожанию или «владению» другим человеком. Она свободна, равноправна, сопряжена с душевной работой.

Помимо эротической гетеросексуальной любви Фромм анализирует другие ее виды: любовь братскую, материнскую, отцовскую, дочернюю и любовь к Богу. «Культура любви» требует не смешивать один ее вид с другим. Эмоциональная недоразвитость, возникшие в детстве фиксации и бессознательные комплексы деформируют любовь. Супруги нередко воспроизводят стереотипы материнской или отцовской, сыновней и дочерней любви.

Отцовскую любовь Фромм характеризует как «несимметричную», такую, которую сын или дочь должны заслужить. Зрелая отцовская любовь связана с духовной близостью, мудростью, требовательностью. Отцовская любовь предлагает покровительство, разумное попечение, служит как бы наградой за достижения.

Материнская любовь тоже «несимметрична», но, в отличие от отцовской, менее требовательна, основана на эмоциональной близости. Она связана с самопожертвованием, безусловна и безрассудна.

В каждом виде любви есть свои опасности и отклонения. Амбивалентное сыновнее чувство к отцу, в котором смешиваются враждебность и восхищение, ревность и желание занять место отца — соответствующее фрейдовскому эдипову комплексу — есть, по Фромму, инфантильное проявление любви, которая в зрелом состоянии насыщается мотивами уважения, помощи и духовной близости между отцом и сыном. «Неподлинность» любви проявляется в неумении отца поддержать свой авторитет, в менторстве, а также в бунтарстве или слепом повиновении сына. Отклонения от подлинной материнской любви связаны с утратой «дистанции». Из-за внутреннего одиночества, невротической тревоги, мать стремится быть в постоянной близости к сыну или дочери, мешая им обрести

свободу и зрелость. Мать может бессознательно проецировать на сына те чувства и требования, которые она должна была бы адресовать мужу. Недостаток материнской близости в детстве затрудняет молодому человеку достижение интимности. Избыток материнской близости и заботы мешает взрослению.

Развитие любовных отношений связано с изменением психологической дистанции между любящими. В случае отношений детей и родителей эмоциональная дистанция по мере взросления увеличивается, а духовная — сокращается. Это нормально. Но в современном обществе из-за высоких темпов развития культурный разрыв поколений преодолевается с трудом, а иногда и вовсе не преодолевается. Связь между поколениями рвется. Дети расстаются с родителями, не достигнув духовной зрелости. Это создает угрозу культуре, ее традициям, усиливает конфликтность в семье.

Эротическая любовь наиболее личностна, «симметрична». Она создает возможность глубокой интимности. Более чем какой-либо другой вид любви способствует достижению зрелости и свободы. Но в эротической любви есть много риска, связанного с несоответствием характеров, неопытностью, борьбой мотивов. Различие эротической любви и любви между детьми и родителями состоит в том, что в первом случае двое становятся как бы одним существом, а во втором — дети и родители постепенно обособляются.

Современная цивилизация во многих отношениях враждебна эротической любви. Люди стремятся к удовольствию и обладанию, не достигая душевной близости.

Фрейд отмечал в любви действие бессознательных механизмов, активизацию усвоенных в детстве материнских и отцовских образов. Фромм же полагает, что в зрелой любви бессознательное определяет лишь начало, нюансы, динамику взаимоотношений. Суть зрелой любви — взаимная забота, ответственность, основанные на разуме, верность, глубокий интерес к личности другого. В зрелой любви важно не только чувство, но и духовные компоненты, искусство беседы и практического сотрудничества.

Любовь — постоянный труд души и преодоление вызова Времени. С возрастом перед людьми встают все новые

жизненные задачи, и любовь должна их решать, изменяясь при этом сама.

Вторая экзистенциальная потребность — в «трансценденции» — выводится Фроммом из философского понимания человека как существа, не тождественного самому себе, выносящего свою сущность вовне — в мир духа, истории и культуры. Человек не удовлетворяется теми пространственно-временными границами, в которых живет. Он чувствует себя призванным овладеть миром и преобразовать его. Это происходит путем творчества, в котором можно обрести смысл жизни, ощутить полноту бытия.

Без творчества жизнь носит инстинктивный или машинообразный характер. Если возможности для творчества отсутствуют, потребность в трансценденции приобретает деструктивный или агрессивный характер. Когда человек не способен созидать жизнь или творить культуру, он их разрушает. Трансценденция ориентирована не на хаотический мир, но на идеал, который человек хочет воплотить в делах и творениях. Символом трансценденции является близость к Богу, как вечно творимому душой идеалу, через который человек оставляет тюрьму своего «я», достигает открытости и полного слияния с миром.

Третья потребность — в «укорененности». Человек чувствует себя здоровым, деятельным, когда он включен в какую-то общность — семью, нацию, общину. Даже космополиты должны конструировать мысленный образ человечества, к которому хотят принадлежать. В ходе истории чувство укорененности меняется. Естественная включенность в малую группу, стадо, родовую общность, сменяется национальной, сословной, государственной принадлежностью. Развитие мировой цивилизации, интенсификация человеческих связей неумолимо ведут к разрушению старых общностей, связанных с семьей, родом, и созданию новых, основанных на духовных ценностях и культуре. Но человеку нелегко дается отрыв от корней, народной почвы. При недостатке интеллектуального и творческого развития ностальгия по природному существованию рождает мощные политические движения, которые перерастают в коммунизм и национализм.

В идеологии национал-социализма символы «расы», «земли», «крови» активизировались в политических лозунгах. Первобытный этноцентризм возрождается под маской популистских демократических движений. В странах «третьего мира» происходит прорыв архаических племенных чувств в цивилизованное сознание. Оно делается неустойчивым, предрасположенным к взрыву и агрессии.

Четвертая потребность направлена на поиск самоидентичности. Человек нащупывает центр своего бытия через уподобление себя внешнему объекту. Фрейд указывал на бессознательную идентификацию с тотемом, умершим предком. Идентификация осуществляется силой бессознательных влечений — любви, страха, восхищения. Важны идентификации с родительскими образами. Они намечают общую перспективу взросления. Идентификация с героем, вождем, святым определяет тип характера и мировоззрения. Существенны профессиональные, политические идентификации. Подбор человеческих типов в политическую и партийную элиту во многом основан на способности идентифицировать себя с лидером.

В личных отношениях перекрестные идентификации присутствуют постоянно, в особенности, между близкими людьми. Влюбленный нередко смотрит на мир глазами любимого человека и как бы утрачивает собственное «я».

Здоровая идентификация, однако, всегда частична. Человек не должен мнить себя Цезарем, Наполеоном, Буддой, хотя может вбирать в себя какие-то черты великих людей. Случается, что актер, глубоко вжившись в роль, не может выйти из нее и продолжает вести себя подобно художественному герою.

Идентификации необходимы как ступеньки в социализации и духовном восхождении. Даже высшие творческие функции — мышление, воображение, способность к оценке, — развиваются путем идентификаций. Можно, например, допустить, что временная или частичная идентификация Пушкина с Байроном позволила Александру Сергеевичу легко овладеть обширным кругом идей английского гения и подвигла на создание «Евгения Онегина».

Способности разума, несмотря на его универсальность, развиваются путем целенаправленного и персонифицированного мышления. Человек постепенно овладевает способностью мыслить с позиции ученика, учителя, философа, государственного человека, народного героя, политического лидера. Внутренняя идентификация с носителем того или иного культурного образа, той или иной роли, является мощным толчком к мыслительной деятельности. Чем значительней, глубже культурная роль, тем активнее мысль, свободнее разум.

Выработка самоидентичности — драматическая задача. Есть люди, наделенные даром эмпатии, легко сопереживающие и входящие в образ другого. Но есть и трагически отчужденные личности, чувствующие себя замкнутыми в скорлупе своего «я», почти не способные к идентификации. Для них овладение культурой есть тяжкий труд, механическое «навешивание» на себя всякого рода знаний, убеждений, которые, однако, глубоко не входят в личность. Неодинаковы и социальные условия идентификации. В традиционном обществе существовали четкие рамки и перспективы присвоения человеком новых личностных качеств, определяемых сословной принадлежностью, возрастом, статусом, религией. Сегодня эти рамки размыты или отсутствуют. Все труднее молодому человеку решить: кто он такой? Демократизация жизни затруднила даже половую и возрастную идентификацию. Разрываясь между различными ролями, человек чувствует как бы исчезновение своего «я», ощущает себя актером, функционирующим автоматом. Здоровая идентификация, которую Фромм называет «идентизацией», достигается со все большим трудом. Встречаются случаи грубой невротической идентификации с ролью, статусом.

Пятая потребность — в системе ориентаций и объекте поклонения. Фромм называет ее религиозной. По Фрейду, религия есть воспроизведение детской беспомощности, которая сочетается с компенсирующим чувством могущества, присутствующим Богу и мне — поскольку я верю в Бога и поскольку моя воля сливается с Его волей. Фрейд, в принципе, противник религии, предсказывающий ее отмирание. Юнг считал религию элементом нормальной психики и думал, что ее нуж-

но обновлять и возрождать. Фромм называет религией любую систему взглядов и действий, которая служит источником жизненных ориентаций и объектом поклонения. Религия для него вечна. Все дело в том, какая это религия, насколько она способствует разворачиванию человеческих сил.

Фромм различает гуманистические и авторитарные религии. Кальвинизм авторитарен, поскольку внушает человеку страх, покорность, чувство самоуничтожения, а Бога трактует как источник власти и силы. Гуманистическое христианство требует развития разума, свободной воли, любви, добролюбия. Добродетель состоит в самореализации, а не в послушании. Преобладающее настроение гуманистической религии — радость, а не чувство вины. Бог есть символ самого человека, а не чьей-то власти над ним.

В качестве примеров гуманистической религии Фромм называет ранний буддизм, даосизм, учение Иисуса, Сократа, Спинозы, религию Разума Французской революции. В иудаизме и христианстве присутствуют, по его мнению, оба принципа — авторитарный и гуманистический. Раннее христианство было гуманистическим. Иисус учил, что «царство Божие внутри нас». Но после того, как христианство из религии рабов и ремесленников превратилось в религию римских правителей, в ней стал доминировать авторитарный мотив.

Тип религии определяется, по Фромму, типом общества. Там, где управляет могущественное меньшинство, держащее массы в повиновении, человек охвачен страхом, не способен к сильному и независимому чувству. Его религиозный опыт оказывается авторитарным. В свободном демократическом обществе человек сам отвечает за свою судьбу и развивает гуманистическое религиозное сознание. Последнее может быть характерно для тех партий и групп, которые, находясь в оппозиции к тоталитарному режиму, борются за свободу. Гуманистическая религия должна, по Фромму, в полной мере выразить сущность человека, как свободного, разумного, любящего существа, но, вместе с тем, страдающего, зависимого. Признаками такой религии являются: способность ощущать жизнь, как проблему; стремление к саморазвитию; признание человека основанием системы ценностей; открытость

миру и сопричастность всему сущему; освобождение от эгоизма, алчности; способность к любви, творчеству; независимому свободному познанию; надежда, мужество, сострадание.

«Авторитарные религии», к которым Фромм относит идеологии типа фашизма и сталинизма, являются ложными, непродуктивными ответами на религиозную потребность. Им присущи: догматизм, закрытость, поклонение отчужденным свойствам человека, страх, ненависть, садистские и мазохистские наклонности.

Бог для Фромма есть символ человеческой потребности в любви. Но следует ли из существования и силы этой потребности, что где-то во внешнем мире есть соответствующее ей существо? Фромм полагает, что не следует, подобно тому, как наша потребность любить не доказывает, что где-то существует человек, которого мы любим.

§ 8. Социальный характер

Для понимания генезиса, функций и причин крушения различных типов общества многое может дать развитая Фроммом теория социального характера. Она отвечает на вопрос: какие мотивы поведения, распространенные в массе людей, поддерживают данную социальную систему, а какие ее разрушают? В отличие от социологических теорий, в которых указываются многие, не связанные друг с другом экономические, моральные, правовые мотивы поведения, Фромм предлагает рассматривать в качестве связующего звена между личностью и обществом определенный тип социального характера, в котором различные сознательные и бессознательные установки взаимосвязаны и который возникает обычно в результате какого-то социо-культурного сдвига.

Фрейд объяснял характер личности особенностями прохождения ею оральной, анальной и генитальной стадий развития. Структуру характера он понимал как совокупность «застывших» либидинозных и агрессивных влечений, для которых культурные цели служат «рационализациями», т. е. символи-

зируют желания, сформировавшиеся в детстве. Фрейд исходил из того, что социальная среда репрессивна и потому каждый нормальный человек в душе — враг культуры.

Фромм своей теорией социального характера хочет снять дихотомию социального и инстинктивного, внешнего и внутреннего, эгоизма и альтруизма. Характер, по Фромму, выступает как субститут, заместитель животных инстинктов. Он социален по происхождению, но «встроен» в личность и обладает для нее принудительной силой. Подчиняясь влечениям характера, люди желают того, что хочет от них общество, ненавидят то, что противоречит его идеологии. Они поддерживают свои чувства самоидентичности, укорененности и удовлетворяют другие экзистенциальные потребности тем способом, который выгоден для общества. Этим поддерживается устойчивость во взаимоотношениях людей, надежность в выполнении ими своих обязательств. Общество больше заинтересовано в том, чтобы его члены хотели делать то, что они должны делать, нежели в том, чтобы они ясно осознавали, что именно они делают. Социальный характер опирается на бессознательный, иррациональный базис и служит как бы «приводным ремнем» от общества к личности. Он является более эффективным и надежным средством, чем нравственный долг или принуждение.

Установки характера проявляются в широком диапазоне отношений. Они соотносятся с природными, социальными и духовными ценностями. Объектом стремлений и средством удовлетворения желаний могут быть материальные ценности, собственность, деньги, власть, победа в конкурентной борьбе, знания, работа, погружение в миф, духовные блага и чувственные удовольствия. Характер, в принципе, неморален, человек может получать удовлетворение от совершения добрых и жестоких поступков, от великодушия и скупости. Характер как инструмент социального контроля мало зависит от интеллектуального и нравственного развития, образовательного уровня личности и обеспечивает быстрое, «нерассуждающее» реагирование на ситуации определенного типа. Вместе с тем, Фромм считает, что характер может быть «продуктивным» и «непродуктивным», здоровым или невротическим —

безотносительно к типу общества. Продуктивный характер пробуждает к творчеству, осознанию ответственности, любви. Непродуктивный — изолирует от людей, заводит в духовный тупик. Фромм считает социальный характер ценным для общества приобретением, но опора только на него, без развития разума и совести, свидетельствует об отчужденности, нездоровье общества и личности.

Как формируется социальный характер?

Уже в раннем детстве рождаются бессознательные мотивы и комплексы. Их специфика зависит от системы воспитания и пережитых травм. Та или иная степень заботы, особенно материнской, регулярность питания, помощь в приобретении первичных социальных навыков, контроль за физиологическими отправлениями, формы наказаний и поощрений определяют черты характера.

В первые годы намечается и дифференциация характеров. Например, избыточная забота и опека затрудняют взросление, формируют пассивный, зависимый тип личности. Недостаточная или нерегулярная забота вызывает ту или иную «депривацию», т. е. нехватку эмоциональных, интеллектуальных стимулов для развития.

Но главным источником черт характера Фромм считает опыт жизни в условиях той или иной социальной системы. Свобода инициативы, демократия, правовое государство формируют активную, уверенную в себе, дисциплинированную и рационально мыслящую личность. Тоталитарное государство воспитывает авторитарную личность, которую Фромм называет «садо-мазохистской». Эта личность неспособна к демократическому равноправному сотрудничеству и эффективно действует только в системе господства-подчинения. Общество, в котором преуспевание зависит не только от таланта и труда, но и от умения приспособиться, убивает инициативу, ослабляет внутреннюю дисциплину и ответственность. Конечно, при любой системе, в силу разнообразия исходных темпераментов и условий микросреды формируются личности различного типа: «авторитарные», «конформные», «рецептивно-зависимые». Однако характеры, не отвечающие требованиям системы,

либо разрушаются, либо оказываются на периферии общественной жизни.

Социальный характер является продуктом различных идеологий и религий, в которых закреплены мировоззренческие позиции, смысложизненные установки и убеждения. Идеология является для властвующей элиты инструментом управления массами, их настроениями.

Таким образом, поведение человека в его наиболее распространенных и предсказуемых аспектах определяется, по Фромму, социальным характером. Социальный характер занимает в мотивационной структуре личности промежуточное положение между «внешним» слоем социальных ролей, которые меняются вместе с изменением статуса, и «внутренним» слоем экзистенциальных ценностей, таких как вера, любовь, надежда, которые высоко индивидуализированы и могут не зависеть ни от ролей, ни от характера.

Бессознательная основа социального характера позволяет синтезировать в нем ориентации различного и даже противоположного типа. Так, воспитание в семье и школе в значительной степени опирается на общечеловеческие ценности. Но, по мере взросления, под давлением социума и идеологии человек начинает ориентироваться на классовые, партийные, национальные интересы. Таким образом может формироваться готовность убивать ради любви к людям, лгать ради высшей истины и т. п.

Преобладающие типы характеров формируются под влиянием устойчивых факторов среды, в результате всей «психоистории» народа. Подобно тому, как характер отдельной личности обусловлен травматическими переживаниями детства, характер народа хранит следы исторических трагедий, напластования эпох. Победы и поражения, тревоги и радости наших предков запечатлены в нашей душе, складе ума, привычках, чувствованиях. Будучи деятельной и стабилизирующей силой в условиях своей культуры тот же самый характер может стать тормозом развития и деструктивным фактором в чуждой ему культурной среде.

Фромм обращает внимание на следующие функциональные особенности социального характера.

Во-первых, он играет регулятивную роль в структуре психики. Установки и ориентации регулируют удовлетворение естественных потребностей. Человек может жить в нищете, полутолодном состоянии, но не испытывать психологического дискомфорта, если доминирующие установки характера при этом удовлетворяются. Действуя в соответствии со своим характером, человек чувствует себя живым, свободным, даже находясь в рабском, зависимом положении. Характер заменяет инстинкт, превращается в страсть. Гобсек не нуждался ни в сытной пище, ни в обществе женщин, ни в хорошей одежде и предпочитал всему этому любование своими сокровищами.

Во-вторых, установки социального характера соответствуют иерархии общественных ценностей. Жизненная энергия общественной группы или даже целого народа «канализируется», т. е. разряжается через определенные «каналы». Труд, война, охота, молитва, пиры, любовь, празднества, партсобрания, подпольный терроризм могут стать такими каналами для определенных характеров, будучи одновременно и формирующими факторами. При этом достигается известное соответствие между «каналами разрядки» и набором социальных характеров. Можно предположить, что в каждом обществе формируется примерно такое количество лидеров, гениев, пророков, рядовых исполнителей и авантюристов, какое нужно для того, чтобы двигались все большие и маленькие колеса социального механизма. Если этот механизм резко перестраивается — в связи с чем изменяется соотношение каналов — то оказывается, что одни колеса уже некому вертеть, тогда как вокруг других толпится слишком много народа. Для иллюстрации этой идеи приведем следующий факт. В России после революции 1917 года вся система предпринимательства и индивидуального хозяйствования была блокирована сверху, так как считалось, что она рождает капитализм. В результате многие «старые» характеры» не находили себе применения, их носители физически уничтожались. Вновь создаваемые «сверху», из центра, специальные структуры производства не могли быть заполнены добровольно и поэтому понадобился рабский труд.

С другой стороны, высвобожденная энергия невостребованных типов личности должна была где-то разряжаться. Открытыми оставались лишь немногие сферы деятельности — политика, война, управление. В них возник своеобразный перегрев. Массовые митинги, демонстрации, «чистки», репрессии, подготовка к войне явились каналами «погашения» избыточной энергии.

В результате семидесяти лет господства советского режима сформировался новый массовый тип личности, легко управляемый сверху, но не способный проявлять инициативу. Он требовал лишь минимальных гарантий защищенности, не вкладывал в труд больших усилий, но и не требовал адекватного вознаграждения за труд. Сегодня вновь возникают проблемы перераспределения энергии членов общества и воспитания новых типов характера, ориентированных на достижение успеха в рыночном обществе.

Для массы людей удовлетворение установок социального характера является, согласно Фромму, настоятельной потребностью. И если каналы разрядки отсутствуют, то возрастает напряженность и вероятен социальный взрыв.

Подобные ситуации возникали и раньше. Фромм отмечает, что в эпоху первоначального накопления успех в экономической деятельности определялся такими качествами, как трудолюбие, настойчивость, обязательность, бережливость, предусмотрительность. Люди стремились меньше потреблять и больше инвестировать. В XX веке возникли мощные тресты и корпорации. Личное трудолюбие, бережливость перестали быть главными факторами успеха. Гораздо большую значимость приобрели коммуникативные качества, способность играть роль в организации. В связи с этим социальный характер должен был измениться. В нем усилились «потребительская», «рыночная», «конформистская» и властная («садо-мазохистская») ориентации. Но, прежде чем было достигнуто соответствие между типом общества и типами характера, западным демократиям пришлось пережить смутные времена застоя и упадка. Подавлением типа мелкого буржуа-предпринимателя объясняется формирование авторитарной личности и в условиях гитлеровского режима.

Идеология фашизма, его символы и политическая система явились для авторитарной личности заменой утраченных ценностей мелкого свободного предпринимательства.

Рассматривая роль социального характера в генезисе фашизма, Фромм анализирует «садо-мазохистский» авторитарный характер мелкого собственника, сочетающий в себе стремления к господству и подчинению. Этот характер возник отчасти под влиянием экономических отношений эпохи первоначального накопления, а отчасти как результат протестантской этики труда.

Эпоха раннего капитализма способствовала формированию в людях таких качеств, как рациональность, предусмотрительность, твердость в достижении цели, точность, аккуратность в делах, способность к самоограничению. Этот комплекс черт обеспечивал быстрое обогащение, рост положения в обществе. Однако устойчивость и распространенность такого характера объяснялись не только его экономической эффективностью, но и его тесной связью с кальвиновской доктриной предопределения. Последняя утверждала ничтожность человека перед лицом божественного промысла, неспособность личности повлиять на свою судьбу. Следствием этой доктрины были не пассивность и бездействие, а, напротив, навязчивая невротическая активность. Кальвинист оказался подобен невротик, у которого комплекс неполноценности создает мощное стремление к «сверхкомпенсации». Верящий в предопределение кальвинист, тренируемый чувством собственного ничтожества и перспективой адских мук, формирует три важных компенсаторных синдрома. Первый — стремление к господству, эксплуатации окружающего мира — природы, людей, ресурсов, знаний. Второй — подчинение вышестоящему, богатому, власти имущему. Третий — «бегство в работу». Профессия осмыслилась при этом не как средство достижения земных благ, а как божественное «призвание», способ самоутверждения в вечности. Труд — в основе своей — иррационален. Он как бы навязывается извне, не имеет конечной цели и никогда не заканчивается. Прибыль, получаемая профессиональным трудом, вкладывается в производство, которое расширяется и требует от человека еще большей самоотдачи.

Фромм отмечает, что не было периода в истории, когда бы жизненная энергия человека столь полно переводилась в работу, как в период первоначального накопления. Протестантизм был религией труда и самоограничения. Эквивалентом человеческой ценности в это время становился капитал.

Многие историки и социологи полагают, что протестантизм явился необходимым условием развития капитализма. Без реформации капитализм не был бы построен. Страны, захваченные ею, — Англия, Германия, Голландия — быстро обогнали в экономическом развитии католические страны, такие, как Испания и Италия.

Но протестантский характер эффективен лишь в условиях свободной конкуренции и относительно стабильной экономики. В эпоху монополий и экономических трудностей трудолюбие и самоограничение не гарантируют процветания. Более важными становятся такие черты характера, как смелость, гибкость, авантюризм, умение рисковать.

После поражения в первой мировой войне в Германии среди широких масс появилось чувство неуверенности в завтрашнем дне. Инфляция в считанные часы уничтожила миллионные состояния, нажитые десятилетиями упорного труда. Этика труда утратила смысл. Однако сформированный ею характер не мог перестроиться за несколько лет. Потребность в самоутверждении с помощью рациональной работы, господства и подчинения сохранились. В эту эпоху возникает фашизм, как политическое движение и как идеология. Последняя распространяется именно потому, что предлагает массовому движению символы, компенсирующие утраченные ценности. Стремление к господству находит выражение в чувстве принадлежности к арийской расе. Стремление к подчинению — в культе фюрера, в идее долга перед нацией. Высшим призванием объявляется строительство «тысячелетнего» рейха, «нового порядка». Так протестантский авторитарный характер с помощью новых символов превратился в авторитаризм фашистского типа.

Ни накопительский, ни потребительский характеры не нужны в условиях традиционного сельского хозяйства. Поэтому они не распространены в странах Азии и Африки. Здесь считается,

что если у человека есть, что покусать сегодня, то работать ради завтрашнего дня не имеет смысла. Точность и предусмотрительность не существенны там, где трудовая деятельность регулируется климатическими условиями, где преобладает простой физический труд, не опосредованный техникой.

Социальный характер имеет тенденцию воспроизводиться по инерции, даже утратив свою функциональность. Массы людей медленно адаптируются к новым условиям. Переход от аграрного общества к индустриальному, от индивидуального предпринимательства к централизованной экономике и обратно, оказывается очень болезненным, требует времени и хорошо продуманной стратегии.

В-третьих, важна информационная функция социального характера, который включает в себя не только эмоционально-волевые, но и когнитивные элементы. Волевые устремления опираются на веру и знание. Для феодального лорда вера в Бога была гарантией стабильности и сохранения его привилегий. Он готов был рисковать жизнью ради защиты религии. В капиталистическом обществе институт частной собственности служит основой социального порядка. Поэтому большинство граждан нетерпимо относится к критике частной собственности и коммунистическим идеям. Ориентации характера направляют работу интеллекта: одна информация легко воспринимается, другая — замалчивается, отталкивается, искажается. Усваиваются те идеи, которые подкрепляют существующие верования и привычки. Человек склонен верить в то, что соответствует его надеждам и стереотипам. Когда реальная действительность перестает соответствовать установкам характера, человек, как правило, не склонен внутренне перестраиваться. Он чаще отворачивается от действительности и становится восприимчив к символам и мифам, которые могут поддержать его, уже ставшие иллюзорными, верования. Фашистский миф или миф о социализме легко воспринимались массами вопреки реальности именно потому, что отвечали бессознательным стремлениям и надеждам. Понятно, что иррациональные идеологии особенно легко возникают при бездействии разума, там, где подавляется свободная мысль.

В обществе постоянно происходят столкновения, «скрепления» характеров. Некоторые из них — крепнут, усиливаются, при этом растет число их носителей. Другие — слабеют и вырождаются, а их носители опускаются «на дно» общества. Случаются «скрепления» и «мутации» типов личности. В итоге закрепляются характеры внутренне устойчивые, экономически и политически эффективные. Популярности порождают себе подобных, дают начало новым общественным движениям и встраиваются в новые иерархические структуры.

Теория социального характера хорошо объясняет роль «человеческого фактора» в социальных процессах, предсказывает массовое поведение и выявляет посредствующие звенья между экономикой и идеологией, базисом и надстройкой. Вместе с тем ясно, что некоторые типы социального характера служат опорой деспотизма или анархии, способствуют духовному разрушению личности. Другие дают толчок творческим и возрожденческим движениям.

§ 9. Коллективное бессознательное

Для Фрейда главным объектом исследования было индивидуальное бессознательное. То, что было сходным в бессознательном многих людей, он считал архаическим наследием наших обезьяноподобных предков и впоследствии вытесненным требованиями цивилизации. Но, занявшись истолкованием религии, искусства, нравственности, науки — этих ценнейших приобретений культуры — Фрейд осознал, что, будучи явлениями развитого сознания, они в то же время укоренены в бессознательном.

Разработку коллективного бессознательного продолжил Юнг. Фромм также широко использует это понятие. Он показывает, что открытые Фрейдом механизмы бессознательного определяют функционирование не только индивидуальной психики, но и массового сознания. Эти три феномена — коллективное бессознательное, идеология, массовое сознание, по Фромму, тесно переплетены, во многом даже

тождественны. В них действуют одни и те же механизмы проекции, идентификации, рационализации, компенсации, реактивные образования. Идеология стоит при этом во враждебном отношении к разуму и совести. То, что в индивидуальном сознании должно было бы вытесняться как алогичное и аморальное, в коллективном сознании, напротив, торжествует, утверждается открыто, попирает разум. Желания убийства, насилия вытеснены из цивилизованного сознания. Но политические партии, государства призывают своих членов и граждан убивать, подавлять, обманывать классовых и национальных врагов. Идеология воспроизводит архаический тип сознания. Она создает «образ врага», утверждает, что классовые и национальные интересы — выше общечеловеческих, проповедует ненависть и насмехается над теми, кто призывает к милосердию и любви.

Уже Юнг стал рассматривать сознание и бессознательное как равноправные и взаимодополнительные сферы. Двигаясь в том же направлении, Фромм отмечает, что не только бессознательное, но и сознание может быть социальным и аморальным, а также «несчастливым», «рабским», «больным» и «иллюзорным». Сознание может скрывать истину и игнорировать справедливость не менее успешно, чем бессознательное. Вместе с тем, Фромм акцентирует культурную ценность коллективного, особенно, родового бессознательного, которое свободно от политической и моральной цензуры, сосредотачивает в себе опыт многих поколений, богатство языка, логики и фантазии. Через бессознательное человек укоренен в природе, космосе, истории. Бессознательное, по Фромму, представляет растение, животное, социум и культуру в человеке, его прошлое и будущее. Оно служит источником творческих и деструктивных влечений. Подобно сознанию, бессознательное включает в себя рациональные и иррациональные компоненты.

Коллективное бессознательное получает у Фромма даже более высокий статус, чем общественное сознание. Бессознательное есть целостный человек, минус та его часть, которая соответствует обществу. Именно потому, что сознание социально, оно не является отражением общественного бытия. Ни

одно общество не могло бы существовать, если бы все его граждане ясно представляли себе, как оно устроено и функционирует. Скрытие правды об обществе в гораздо большей степени является задачей его институтов, нежели обнаружение истины. «Карта действительности», встроенная в сознание большинства людей, является, по Фромму, «клоакой иллюзий», «смесью лжи, страстей, предрассудков, жалких обрывков истины». Сознание отдельного человека отражает лишь очень узкий сектор реальности. Человек привыкает думать и чувствовать так, как выгодней и безопаснее. Он идет на компромисс с совестью не только в поступках, но еще больше — в мыслях. Истинное знание социальной реальности, несправедливости, чужих страданий — вытесняется, поскольку оно ложилось бы на совесть тяжким грузом. Общество стремится скрыть от граждан свою суть, расставляя многочисленные заграждения на пути правдивой информации. Выработка правильного представления об обществе — дело чрезвычайно трудное. Стремление к безопасности и психическому комфорту уводит от страшных и горьких истин. Понимание многих социальных механизмов оказывается доступно лишь тем, кто в них непосредственно участвует или специалистам-социологам. Часто рядовые граждане и в ужасном сне не могут себе представить того, что происходит на расстоянии квартала от их собственного дома. В силу различий в понимании и направленности мышления разных социальных слоев в общественном сознании вырабатывается смутная и противоречивая картина социальной жизни. При этом идеологическая цензура и охранное ведомство в зародыше подавляют публичные дискуссии, без которых невозможно выработать общие идеи, нужные для понимания общества.

Фрейд рассматривал бессознательные механизмы защиты как индивидуально-психологические. Для Фромма они, скорее, коренятся в массовом сознании. Согласно Фромму, целостность массового сознания, устойчивость идеологических комплексов объясняются не личностно-значимыми ценностями, а связями, возникающими вследствие взаимодействия социальных групп и институтов, пересечения и столкновения разных информационных потоков. «На протяжении

истории, — пишет Фромм, — стол всегда был накрыт для немногих и широкое большинство не получало ничего, кроме остающихся объедков. Если бы большинство полностью осознавало тот факт, что оно обмануто, могло бы возникнуть возмущение, угрожающее существующему порядку. Поэтому мысли о реальном строении общества должны были подавляться».

Фрейд видел источник вытеснения в бессознательном страхе кастрации. Фромм считает таким источником угрозу изоляции, которая висит над всяким инакомыслящим. Люди не просто подчиняются силе и авторитету, но и мыслят так, как того требует общество. Мыслить свободно могут лишь те, кто способен терпеть социальный остракизм. Фрейд указывал на эмоциональные источники вытеснения. Фромм подчеркивает их нормативно-институциональный характер. Среди механизмов цензуры, определяющих взаимоотношения сознания и бессознательного, Фромм выделяет три: язык, логику и социальные табу.

Говоря о языке, Фромм имеет в виду сетку понятий и категорий, которые служат для осмысления, оценки, систематизации жизненного опыта — как реальных восприятий, так и продуктов воображения. Языковые понятийные структуры глубоко укоренены в бессознательном и отражают многотысячелетнюю практику. Но поскольку языковая социализация происходит в семье, школе, через средства массовой информации, то вполне возможно насытить повседневный язык словами, из которых строится сегодняшняя официальная модель общества и убрать из употребления слова, которые в нее не укладываются. Именно такая ситуация изображена в романе Д. Оруэлла «1984». Количество слов сведено к минимуму, и все слова, означающие явления, которые не признавались и не одобрялись правящей партией, изъяты из словарей. Кроме того, многим словам специально придан прямо противоположный смысл: «Ведомство обороны» называется «Министерством мира», «Ведомство полиции» — «Министерством любви». В советском идеологическом языке было принято говорить о «производстве» вещей, знаний; о том, что «производятся» торговля, отпуск лекарств, прием граждан.

Можно было бы сказать просто «торгуем», «отпускаем», «принимаем», но подведение этих разнородных действий под одно смутное понятие «производство» позволяло их обезличить, представить как нечто механически происходящее, снять ответственность с конкретных лиц. Для идеологического языка характерна также замена нейтральных понятий — оценочными. Бизнесмен — это «делец», рабочий — «простой труженик», миллионер — «акула капитализма». Для усиления эмоционального звучания слов, идеологизации быта, используются военные термины: «литературный фронт», «борьба за мир», «идеологическая диверсия». Таким образом, язык позволяет контролировать мышление.

Второй механизм цензуры, тесно связанный с первым — логика. Правила логики, подобно правилам языка, универсальны и общечеловечны. Но их нетрудно обойти с помощью софизмов — внешне убедительных, но, по существу, ложных умозаключений. Софизмами насыщена любая идеология. Дело еще и в том, что могут существовать несколько логик — например, двоичная, троичная. Формальная логика — двоична, а диалектическая — троична. Взятые отвлеченно, они несовместимы, но в реальном языковом общении каждая уместна и даже необходима. В прошлом эти логики мирно сосуществовали. Но в конце XIX — начале XX веков в связи с демократизацией культуры и вторжением в политику полубразованных людей, пропагандистские задачи все чаще стали решаться путем подмены одной логики — другой, с помощью софистики. В официальной марксистской идеологии любое противоречие в высказываниях можно было объяснить и оправдать, если назвать его «диалектикой». Государство отрицает через его усиление, мораль пролетариата есть общечеловеческая мораль, мирное сосуществование есть форма классовой борьбы и т. п. — все это истинно, потому что диалектично, а, вернее, потому, что выгодно идеологам. Злоупотребление диалектикой имело место и в психоанализе. Здесь часто говорили об «амбивалентности» чувств, отношений. Например, каждый любит и ненавидит своего отца. Постепенно вторгаясь в повседневное мышление, «диалектика» и «амбивалентность» рождают тот умственный настрой, который

Оруэлл назвал «двоемыслием». Двоемыслие приводит к интеллектуальной импотенции, делает людей нечувствительными к абсурду, самому наглому обману. Оно вообще отучает думать, ибо оказывается, что с помощью разума и логики вообще ничего нельзя доказать, так как истинность суждения зависит не от логики, а от того, кто, где и при каких обстоятельствах его высказал. Пользование диалектикой требует высокой культуры ума, а при отсутствии таковой приводит к стиранию различий между истиной и ложью, добром и злом.

Третий элемент цензуры — социальные табу, т. е. запреты, накладываемые на некоторые идеи, чувства, высказывания. Табуирование характерно для примитивных культур, где запрещается прикасаться к священным предметам, произносить священные имена. Социологи говорят о табуировании чувств — например, жалости, любви в бандах подростков или в армии, где жестокость служит эталоном достойного поведения. В идеологизированных обществах табуируются целые области знания и общественной жизни. Засекречиваются статистика преступности, экологические данные, кадровый состав и финансирование ведомств, численность партийного аппарата, многие важные события и документы. По мнению Фромма, наши предки полнее осознавали реальность, чем мы. Мы отказываемся от знания, которое усложняет и отягощает нашу жизнь.

Хотя многие идеи Фромма не оригинальны, его отличает большая гибкость мышления, тонкая историческая интуиция, способность рассуждать о сложнейших вещах заинтересовано, доступно, на основе богатейшей эрудиции. Фромм, в отличие от Фрейда и Юнга, не настаивал на том, что он — только психолог. Он органично соединил психоанализ с этикой, антропологией и социологией. Фромм — удивительно современен. Встреча с ним всегда стимулирует мысль и дает заряд оптимизма.